

Е. В. Купчик (Тюмень)

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ОБРАЗА МОРЯ В ТВОРЧЕСТВЕ А. ГОРОДНИЦКОГО

Образ морской стихии находит свое отражение как в научных, так и в художественных произведениях А. Городницкого. В статье рассматриваются средства характеристики моря как части водного покрова Земли, источника человеческой жизни, своеобразного параллельного мира. Отличаясь высокой частотностью, они обнаруживают прямые, метафорические и символические значения морских образов.

Морская стихия на протяжении веков привлекает к себе внимание художников слова. Море выступает и как герой произведения, и как фон, на котором разворачивается действие, и как метафора, символ и др.

Жизнь и творчество Александра Городницкого издавна связаны с морской стихией, которая нашла свое отражение как в художественных, так и в научных текстах автора — известного поэта и крупного океанолога. Образ моря в его творчестве посто-

янен. В четырех взятых нами для анализа поэтических сборниках разных лет [2] выявлено 42 «морских» текста, а еще в 15-ти образ моря встречается эпизодически. Это прежде всего реальное, увиденное глазами самого автора море, представленное Городничким во все времена года, в разное время суток, в разных погодных и климатических условиях. Но, как отмечает в рецензии на первый сборник А. Городничского «Атланты» В. Шефнер, «даже от сухопутных стихов А.Городничского пахнет морской солью [6]». Показательны в этом отношении и названия его книг: «Атланты» (по замечанию В. Шефнера, при знакомстве со стихами данного сборника перед мысленным взором читателя возникают «не только каменные атланты, но и бурная Атлантика, и сказочная Атлантида»); «Берег» (именно океанский, а не, например, речной); «Созвездие Рыбы» («И назвали созвездие *«Рыбы»*, *Чтобы грозную задобрить стихию»*); «И вблизи, и вдали» (начало первой строки песни «Острова в океане»: «И вблизи, и вдали — все вода да вода»); «Острова в океане»; «След в океане»; «Остров Израиль» («В Мировой океан отправляется остров Израиль, / Покидая навек Аравийскую микроплиту»).

В сихотворениях, где море выступает как место плавания героя-автора, возможна конкретизация места нахождения судна, в частности, через географическое название моря, океана, острова и т. п. Иногда отмечен маршрут: «Море Карское, море Лаптевых, / После — устье Колымы»; «Идут суда через Югорский Шар / К ненаселенным берегам Ямала»; «Мы уходим проливом Сангар / За Страну Восходящего Солнца». В текстах с описанием ситуации плавания обычно достаточно подробно говорится о судах — называются части корпуса, помещения судна, такелаж, судовые приборы и др. (рубка, корма, мачта, парус, якорь, штурвал, креномер), члены судовой команды (капитан, боцман, стармех, кок, матрос). Может быть указан тип судна (БМРТ, танкер, шхуна), его название («Крузенштерн»), но чаще всего употребляются слова «судно» и «корабль». Судно у Городничского, как правило, находится в движении, образ неподвижного корабля нетипичен и появляется обычно в связи с темами уходящего времени, старости и смерти. Вынужденная стоянка, вызванная погодными условиями, сопровождается угнетенным или тревожным состоянием духа людей (напр., «Утки летят с Итурупа», «Волны о борт стучатся...»).

Находящийся на корабле, «в деревянной замкнутой системе», герой-автор не «замыкается» на внутрикорабельной жизни. Его взгляд направлен на то, что есть за бортом движущегося судна. Это могут быть проплывающие мимо острова, берега, часто с акцентированием их удаленности. С борта корабля видна и поверхность океана, и небо над ним. Взгляд героя проникает и в подводный мир — например, когда речь идет об изучении морских глубин и море выступает как объект научного исследования. Научность, одно из проявлений которой — точность и лаконичность описания, сплетается с художественностью: увиденное взглядом ученого становится предметом раздумий поэта. Так, в начале стихотворения «Вестиментиферы» автор дает читателю представление об одном из видов глубоководных существ по схеме «место обитания; внешний вид; особенности жизнедеятельности»: «...Из черного дна неустанно / Крутые восходят дымы. / Среди закипающей черни, / Рождающей множество руд, / Огромные плоские черви / В горячих рассолах живут. / Едят они серу на ужин, / Вкушая от этих щедрот. / Здоровью их даром не нужен / Полезный для нас кислород». Дальнейшее содержание включает в себе гипотезу: когда «солнце погаснет, и реки / Покроются пепельным льдом, / Они лишь освоят навеки / В наследство доставшийся дом. / И ступят на цепкую лапу, / Что станет позднее ногой», начиная новый этап жизни на Земле. Данное стихотворение, как и некоторые другие, содержит поэтическое размышление о будущем планеты.

Говоря о жизни моря, А. Городницкий подчеркивает привлекательность и одновременно непознаваемость, отчужденность этого мира от человека. Неоднократно используются соответствующие прилагательные и местоимения: «Мы делались сами иными, / Соседствуя с жизнью иной»; «Смотрела чужая природа / На нас через это стекло»; «Рыбы странных очертаний, / Каких не видела Земля»; «таинственные существа». Необычно не только пространство моря — само время получает «локальную» характеристику: «Меж скал ноздреватой породы / Придонное время текло». Возможность взаимопонимания практически исключена, человек и обитатели моря — представители разных миров. Контакт идет на визуальном уровне, взгляды внимательны и насторожены: «Молча смотрят подводные твари / На

светящийся батискаф»; «Смотрят рыбы большими глазами, / Что приучены к жизни ночной. / Так смотрели бы, верно, мы сами / На посланцев планеты иной».

Вместе с тем океан для А. Городницкого не просто место перемещения кораблей и среда обитания рыб и морских животных. Водная стихия занимает почетное место в картине мира поэта.

Одно из важнейших свойств этой стихии — бесконечность. Не случайно автор говорит не столько о море, сколько об океане¹ — как о несравнимо более масштабной реалии, которая воспринимается не ограниченной в своих размерах: *«Мир без суши, золотом залитый»; «Беспределен океан серебристый»; «Среди безбрежной синевы»* и др. Граница не просто невидима по причине ее удаленности — она может восприниматься как несуществующая. Показателен выбор поэтом слов, характеризующих океанскую стихию и выступающих в качестве синонимов слова «океан»: *пространство, мир, пучина, планета, космос, бездна*.

Достаточно заметное в поэтическом словаре А. Городницкого слово «пространство» неоднократно используется для характеристики именно океана: *«Необозримые пространства / На грани дня и темноты»; «Плещет пространство за круглым окном»; «В пространство канув, / Ушли на север плиты льда»*. Данное слово может применяться и по отношению к океанским глубинам: *«...клубится синева, / Пространства холода и тьмы»*². Огромна не только поверхность воды, но и глубина: *«Луна над бездною немой / Горит...»; «На дне бездонного колодца / Горит звезда в зеленой мгле»*. Эти глубины темны и загадочны: *«Глубин непрозрачный покой»; «В глубинах ночных океана, / Куда не дотянемся мы...»* и др.

Океан — своеобразный параллельный мир, «зеленый космос», «обширная планета», живущая по своим законам. Здесь, как отмечалось выше, необычно не только пространство, но и время, которое отделено от времени земного, человеческого. Океан беспределен и в пространстве, и во времени, в нем начинается и заканчивается история всего живого. Традиционное уподобление времени текущей воде у Городницкого имеет ту особенность, что само течение понимается с известной долей условности, что обусловлено спецификой движения океана, который, с одной стороны, «меняется и течет», а с другой — неподвижен. Столь же

неоднозначно движение времени. Человек может измерять его («Триста лет все гудят ветра, / Триста лет все скрипит штурвал»), соотносить со сроком собственной жизни, приходя к выводу о ее быстротечности. Но само по себе время — тоже океан и, как океан водный, может не находиться в том движении, которое привычно для человека.

Представляется важным заметить, что у Городницкого временной океан вторичен по отношению к водному — именно от последнего зависит характер, состояние времени: «...не властно всесильное время / В недоступной теченью воде»; «...время неподвижно / Над неподвижною водой». Этому не противоречат высказывания типа «Подо мной вращается вода, / Надо мной остановилось время»: в концепции времени поэта вращение связано скорее с состоянием покоя, чем с движением в общеизвестном понимании.

Океанская вода, подчиняющая себе время, способна и сама «превращаться» в него: «От намеченных курсов вода отклоняет суда, Из минуты в минуту стремительно перетекая». Временному сдвигу, по Городницкому, не может не сопутствовать пространственный, который, однако, бывает не замеченным человеком.

С пространственной и временной бесконечностью морской стихии связано и ее могущество. Земная твердь по сравнению с океаном хрупка и ненадежна — это, собственно, не твердь, а «земные хляби», «хляби шаткой земли». По волнам Мирового океана материки плавают подобно льдам. Сражение суши и моря заканчивается победой водной стихии, которая легко расправляется с тем, что считается прочным, — растворяет металл, перекраивает берега, уничтожает людские поселения. В связи с этим свойством морской стихии у А. Городницкого возникает символический образ волны-беды, который реализуется в развернутом сравнении, например: «Так, волноломы разнеся и сваи, / Прибрежные ночные города / Крушит удар внезапного цунами, / И в штормовом кипении зыбей / Огромный танкер, поднятый волнами, / Ломается от тяжести своей» (о распаде страны). В стихотворении «Токио» волна — предостережение человеку, реакция природы на «современности жалкий итог», к которому привела деятельность людей: «А беда все стоит,

нависая, — / Так на тонком листе Хокусая / Нависает морская волна»³. Иной смысл имеет данный образ в «Улиссе», где речь идет о вечном зове моря, которому человек не может противиться: «Так, изогнувшись хищно и горбато, / Фарфор атоллов, акварель лагун / Крушит волна, рожденная когда-то / На противоположном берегу». Беды в обыденном понимании этого слова не происходит, однако разрушается привычный образ мысли, состояние души. Энергия, властность, с которой «Морочит душу этот неизвестный, / В тысячелетья канувший мотив», подчеркнуты лексическим контрастом: «хищно», «крушит» и «фарфор», «акварель». Эта песня далека от привычной художественности, она не ласкает слух. Если сирены гомеровского эпоса прежде всего сладкоголосы⁴, то у Городницкого они поют совсем по-иному: «В чем этих песен тягостная мука? / Когда гремит норд-ост, начав с низов, / Я слышу их неодолимый зов, / Подобный колебаньям инфразвука». Отметим, что воздействием инфразвука обусловлена тревога, охватывающая живые существа во время вызывающих цунами подводных землетрясений.

В стихах А. Городницкого море получает цветовую, звуковую, вкусовую, температурную характеристики.

Для обозначения цвета водной стихии автор использует цветные прилагательные, реже — существительные: синий, голубой, зеленый, серый, серебристый, черный, темный, ночной (в цветовом значении), синева, мрак, чернь. Цветовые характеристики приписываются как морю в целом, так и отдельно его поверхности и глубинам.

Море у Городницкого часто представлено синим, соответствующее прилагательное близко к постоянному эпитету: «Гуляют в синем море / Веселые киты», «Моря синего трава»⁵. При существительном «синева» практически не встречается обозначение носителя признака (типа «синева моря»): «Под ним клубится синева», «Среди безбрежной синевы».

Цвет воды зависит от места расположения моря. Так, если для северной части водного покрова Земли характерны синий и серый цвета («у берега Балтики синей», «у серых морей на краю»), то для южной — голубой («Мы плывем на восток голубым океаном Индийским», «голубой полет волны» у Бермудс-

ких островов). В «Мысе Дежнева», где *«двух великих океанов / Соприкасается вода»*, автором отмечен цветовой контраст: *«Волна холодная литая, / С другою встретившись волной, / Зеленым цветом обрастает, / Как берег поздней весной»*. В данном случае, как и в некоторых других стихотворениях Городницкого, «холодный» становится синонимом «серого».

Зеленый цвет характерен для всей толщи океанских вод (*«зеленый космос воды», «зеленая мгла», «воды зеленое вино»*⁶).

Если цвет морской поверхности чаще всего синий и голубой, то глубины обычно черны, непроглядны: *«Над темной висит глубиной», «над черной глубиной», «в глубинах ночных океана», «глубин непрозрачный покой»* и др. Эти глубины не только темны, но и холодны, они не пригодны для жизни, подобной человеческой. Вместе с тем подводный мир не безжизнен. Автор, не раз видевший океан «изнутри», с борта подводного корабля, показывает его жизнь в нескольких стихотворениях. Подводный мир не лишен красок, для его характеристики употреблены цветочные прилагательные — например, в «Глаза закрываю и вижу...»: лиловые гейзеры, красная трава, коричневая сера.

Цвет — относительно постоянный признак морской стихии, он у Городницкого мало зависит от состояния моря, которое в пределах одного стихотворения существенных изменений не претерпевает.

Звуки моря различны и по своим источникам (волны, морской ветер, птицы), и по характеру. В состоянии покоя, сна море молчит, беззвучность его связана обычно с ночным временем или «ночными глубинами»: *«Ночная стоянка... Молчание Карского моря», «Луна над бездною немой / Горит»; «Молча смотрят подводные твари / На светящийся батискаф»*. Постоянный звук моря — малоинтенсивный шум, сопровождающий повседневную жизнь морской стихии, не находящейся в состоянии сна, лишаящего море звуков: *«Шуршит вода неторопливо»; «шуршит... моря синего трава»; «Шуршит в проливе Лаптева / Новорожденный лед»; «Шум соленого прибоя»; «И не слышны за шорохом волны / Ни крик толпы, ни грохот канонады»*. Шорох волн преодолевает гром орудий не своей мощью — герой стихотворения «Провинция» удален от мест, где ведутся словесные и прочие войны. Естественные звуки природы не просто более слышимы, но и более значимы.

Морские шумы воспринимаются героем-автором положительно, оцениваются как гармоничные и могут именоваться пением. Способностью петь автор наделяет не морской ветер, не птиц, а только волны: *«Навстречу пенью утренней волны», «Подо мною поет волна / Над пучиною голубой»*⁷. Птицы не поют, а кричат (*«с криком птица / Летит из завтра во вчера», «Чайки крик одинокий несется»*), а издаваемые ими звуки лишь ненадолго нарушают звучание самого моря. Источник более интенсивных звуков — ветер, как сам по себе, так и вместе с водой, что бывает во время непогоды: *«воющие тайфуны»; «завыли печально и люто / Океанская зыбь и песчаные ветры пустынь»; «Траурным маршем гремит нам отбой / Ветра неистовый рупор»; «В чем этих песен тягостная мука? / Когда гремит норд-ост, начав с низов...»*. В последних двух случаях «музыка» ветра оказывается не мелодичной, приятной для слуха, а грозной, тревожной, волнующей душу.

Постоянным признаком морской воды является ее вкус, для характеристики которого используется единственное прилагательное «солёный», повторяющееся в разных стихах, и два единожды употребленных существительных. В некоторых случаях подчеркивается значительность концентрации солей в морской воде (*«крутого посола волна»* и под.), что является одним из средств характеристики моря как стихии, не зависящей от человека, отчужденной от него и своими размерами (бесконечность), и временем (вечность), и цветом (непроницаемые для глаза черные глубины), и вкусом, не способным доставить человеку удовольствие. Людям чужд и берег (*«необжитый край Руси»*), который холодное море *«обжигает жидкой солью»*. Существовать *«в этой горько-соленой среде»* человек способен лишь в виде рыбы — если покинувшая его тело душа обретет соответствующий облик. В ситуации слияния разных вод (два океана, река и море) происходит изменение качества воды — как цвета, так и вкуса. В одном случае серая вода *«зеленым цветом обрастает»*, в другом — *«становится соленой / Несъедобная вода»*.

В нашем материале встретилось всего два упоминания о запахе воды: *«Волны опьяняющий запах»* и *«Пахнущая гнилью / Прибойная вскипает полоса»*. Соответствующие качества не присущи воде как таковой: это либо запах водорослей, либо символический «запах» Европы, куда Петр I «прорубил окно» через Балтику.

Море у Городницкого обычно предстает холодным — это северные моря, зачастую покрытые льдом, а также глубины южных. Образ теплого моря следует признать редким у поэта, упоминания о «теплых волнах», «ласковых водах» единичны. Говоря о теплых краях, автор дает температурную характеристику, порой весьма развернутую («Самарканд»), прежде всего суше, а также воздуху. Южное море лишено температурной характеристики⁸, северное же ее имеет. Здесь повторяются прилагательное «холодный», существительное «холод», реже — другие: «*Волна холодная литая*», «*в холодные подводные леса*», «*в пространстве ледяном*», «*пространства холода и тьмы*» и др.

Стихия, имеющая пространственную, временную, цветовую, звуковую, вкусовую, температурную характеристики, представлена поэтом в разных состояниях — покоя, волнения, бури. Состояние глубин в целом стабильно, там невозможны случайные или резкие изменения («...*глубь океана / И стынет, и греется медленно*»), поэтому постоянны и вышеупомянутые характеристики. Поверхность же моря, как правило, подвижна. Абсолютно спокойное море только в «Острове Тыртов», где обилием безглагольных конструкций (номинативные, генитивные предложения), почти полным отсутствием глагольных форм создается картина остановленного, «часам не подвластного» мгновенья. Подобные статичные описания у Городницкого крайне редки. Вместе с тем не частотен и образ — развернутый или краткий — штормового моря: поэт весьма редко прибегает к описанию экстремальных состояний природы.

Обычно море представлено волнующимся, водная поверхность — постоянно движущейся. Само слово «волна», встречающееся в 18-ти «морских» стихотворениях, может выступать контекстуальным синонимом поверхности воды в целом: «*Я немало поскитался по волнам*»; «*Подо мною поет волна*», «*Голубой полет волны*» и др. Из всех возможных характеристик волн автор выбирает прежде всего движение и форму. Диапазон действий волны широк — от «*Волна осторожная камень лизала*» до «*Прибрежные ночные города / Крушит волна...*». В частой у Городницкого ситуации непогоды движение волн передано глаголом «бить»: «*Бьет волна. Прогнозы угрюмы*»; «*Бьет волна за ударом удар*»; «*По судну волна океанская бьет / Сильнее*

свинчатки» и др. Наибольшим постоянством отличается действие, описанное глаголом «качать». Субъект действия — волна, объект — судно: «Идут суда, качает их волна»; «Нас качают ваши ласковые воды» и др.⁹ Характер этого движения передается и опосредованно (весьма характерный для А. Городницкого прием передачи движения) — через «перемещение» неподвижного относительно подвижной воды: «Качаются светила над снастями»; «Созвездия южного взлет и падение»; «Ходит стенка (причальная. — Е. К.) то вверх, то вниз». Упоминание о качке находим в 17-ти стихотворениях. Волны движутся и относительно друг друга: «Волна волной перечеркнется, / С водою сдвинется вода, / Сотрет затейливый рисунок...».

По своей форме волна может быть плоской и более выразительной: «...по волнам горбатым»; «изогнувшись хищно и горбато»; «Над крутыми волнами в ненастные дни» и др. О форме волны часто говорится в связи с беспокойной погодой. В единичных случаях волна получает характеристику по цвету, звуку.

Движение водной поверхности постоянно и при этом, как правило, малоинтенсивно, морской воде не свойственна торопливость. Характеризуя данное свойство, автор употребляет по отношению к водной поверхности прилагательные, соотносимые обычно не с предметами, а с действиями: так, слово «медленный» и под. у Городницкого означает «медленно движущийся»: «зыби медленные глыбы», «волн неторопливые страницы» (ср. «медленная река», «медленный лед»). Соответствующее отадъективное наречие получает возможность относиться к глаголу звучания: «Шуршит вода неторопливо».

В пяти стихотворениях упоминается прибой — преимущественно в связи с издаваемым им шумом, который может восприниматься как нейтральный, указывающий на место действия — как, например, в «Острове Маккуори»: «Там мечется трава в прибойном гулком плеске». Прибой у Городницкого лишен яркого романтического ореола, поэтому возможны сопоставления с ним предмета домашнего обихода («Шум примуса — словно прибой, / Которого не замечаешь») или характеристика его звучания не-возвышенным глаголом «бормотать». Вместе с тем шум прибоя важен как один из компонентов истинного бытия: «После смерти, после смерти / Вновь приходит бытие — / Шум соленого

прибоя, / В небе первая звезда...». Для влюбленных этот шум важнее содержания лекции — он дает возможность погрузиться в мир собственных чувств. С выбором своих героев соглашается и сам автор, говорящий о студентах «Торжественное длится бытие», а о себе — «Я что-то им толкую про прибор».

Образу волны у Городницкого сопутствует образ пены, а также ветра, приводящего водную поверхность в движение.

В некоторых случаях морская вода оказывается кипящей, соответствующие глаголы реализуют разные оттенки значений. В результате активности земных недр под толщей воды «*крутой кипяток закипал*». На поверхности же «*вскипает*» волна, пенный след, полоса прибоя. Образуется пена, о которой упоминается как об относительно постоянном признаке водной поверхности, находящейся в различных состояниях: «*Над тяжелой пенною водой*»; «*Над пеною седой беседуют пингвины*»; «*...штормит, и струи белой пены / Секут волну, как кварц сечет гранит*». Присутствие пены часто связано с движением по водной поверхности одушевленного или неодушевленного предмета: «*Идут акулы, пеною одеты*»; «*...струйка пенная воды, / Что называется кильватер*». Именно такая вода, вспененная прохождением по ней судна, оказывается одной из составляющих «имущества» поэта-мореплавателя: «*Твое имущество с тобою: / Стихи и пенная вода*». Используются лексемы «пена», «пенный», «пениться». Морская пена почти лишена характеристик (кроме цветовой — седая, белая), о ней упоминается как о детали, но деталь эта появляется в разных текстах, и не только «морских». Возможно, эта повторяемость обусловлена тем, что в пене объединяются две стихии — водная и воздушная, а такое соединение, «переплетение» разных стихий свойственно творчеству Городницкого в целом.

Воздушная стихия воплощается и в образе ветра. Это постоянный спутник плаваний, и в «морских» стихах он проявляет себя прежде всего по отношению к кораблю: «*Ветром южным паруса задышали*», «*Наше утлое кочевье / Гонят теплые ветра*» и др. Не ставя в данной работе задачи описать подробно образ ветра, укажем на разнообразие его характеристик у А. Городницкого. Ветры в «морских» стихотворениях различны по направлению (южный, норд, норд-ост, вест, балтийский, попутный), времени действия (ночной, осенний), температуре (теп-

лый), характеру (хмурый, слепящий), силе и быстроте (ветерок, ветер, шквал). Разнообразны действия ветра: он вьет выпела, надувает паруса, поворачивает вспять речную воду, гремит и т. д. В стихотворении «Судовая роль», где «палуба — сцена», ветру и волнам отведена своя роль: «Ветра задорный мальчишеский свист, / Волн иступленное рукоплесканье». Однако обычно ветер выступает не зрителем, а участником событий, причем хотя и не главным, но постоянным персонажем.

Море у А. Городницкого бывает представлено в известной степени как самодовлеющая стихия. В то же время в «морских» стихах упоминается и о суше, причем о земле как таковой, а не просто (и не столько) о ее крае — берегу, где море непосредственно соприкасается с сушей. Герой А. Городницкого смотрит на море, как правило, «изнутри» — с его поверхности, находясь на корабле, из глубины, опускаясь под воду, или же с суши, но с некоторого расстояния. На самой же границе суши и воды он не находится почти никогда. Редки упоминания о накатывающихся на берег волнах, о прибое, «соединяющем» сушу и море, — обе стихии дистанцированы.

Суша противопоставляется морю как нечто скучно-стабильное, лишенное романтики, — свободной стихии, таинственной и притягательной. Земля может быть удалена от плывущего на корабле героя в прямом смысле («И побережий контур зыбкий / Проходит мимо вдалеке»; «Вдали земля пустынная видна»; «...россыпь огней / На далеких хребтах, проплывающих мимо»; «Далеко до доброй земли» и под.), а также в переносном. Жизнь на суше представляется герою застойной, лишенной движения и простора. Образ замкнутого пространства у поэта обычно отрицателен: «И тесны домашние стены, / И душен домашний покой...», «Стареют, вырастая, дети / В уюте комнатных неправд»¹⁰. Кроме того, эта жизнь исполнена бесконечной суеты и бессмысленной борьбы людей друг с другом. Для героев А. Городницкого, в том числе и для самого автора, уход в море — избавление от этих зол: «Пусть на земле событий жаждают, — / Родные бросив берега, / Избежим участи сограждан, / Друг в друге видящих врага», «Жил долго этот человек / И много видел, слава Богу, / Поскольку в свой жестокий век / Всему он предпочел дорогу». Герой стремится провести свою жизнь в постоянном дви-

жении, известная метафора «жизнь — плавание» приобретает вещественность: *«Плыви, мой друг, пока плывется, / Не вспоминая о земле», «Спасенье в том, чтоб налегке / Пространствовать свой век короткий», «Привычка плавать вне земли / Практически неизлечима»*. А лучшим домом является корабль: *«Мне бы жизнь прожить на корабле...», «Век бы не ведал я роли иной, / В небо смотрел бы, как древний философ, / И ощущал загорелой спиной / Жаркое дерево палубных досок», «Мне б в лесной родиться яме / Корабельною сосной... Чтoб, с годами не старея, / Плавать в море день-деньской, / Хоть бы мачтой, хоть бы реей, / Хоть бы палубной доской»*. Возможный иной вариант жизни оказывается так или иначе связанным с пребыванием в море.

Герой уплывает от земли и одновременно — от собственной старости: *«И старость отступит, наверно, — / Не властна она надо мной, / Пока паруса «Крузенштерна» / Шумят над моей головой», «И, огибая землю трижды, / Ты будешь трижды молодой»* и др.

Даже в качестве последнего пристанища герой предпочитает не сушу, а море: *«Не хочу, чтобы труп мой, как дерево, жгли, / Не хочу я венков от вдовы и знакомых, / А хочу умереть далеко от земли, / Пусть хоронят меня по морскому закону»*. Похороны по морскому обычаю заканчивались опусканием тела в воду. Такая смерть оказывается, по сути, не смертью: *«Чтобы жить с той поры мне везде и нигде, / Растворяясь в стихии без боли и страха, / Бесконечной и светлой, как солнце в воде, / Как плывущая с палубы музыка Баха»*.

Нельзя сказать, что земля для А. Городницкого однозначно менее значима, чем море. Мечтая о жизни в море, герой все же возвращается на землю: *«Доверяя себя кораблю, / На чужую любуюсь природу, / Только плоскую сушу люблю, / Только серую финскую воду»*, — именно с сушей связано представление о родном доме. Однако в «морских» стихах оппозиция суши и моря обозначена достаточно четко как оппозиция «земного» и «возвышенного». Здесь мы видим развитие старой романтической традиции, нашедшей отражение в поэтике авторской песни 60-х гг.: герой, покинув душный город с обывательскими настроениями и скучными разговорами и занятиями его обитателей, отправляется «за туманом» —

на поиски романтики. Однако в творчестве А. Городницкого данная традиция не просто отразилась, но и нашла серьезное развернутое продолжение, что является предметом отдельного разговора.

Если земля в известном смысле противопоставлена морю, то небо, наоборот, во многом ему подобно. Небо у Городницкого соседствует с морем, упоминаясь почти во всех «морских» стихах и нередко рядом в тексте: *«Шум соленого прибой, / В небе первая звезда», «Чтоб вышли и небо, и море...»*. Если суша четко отграничена от моря, то между морем и небом такой границы нет. Вода может «попадать» на небо (*«Небо краями закрыла вода»*), образуя некую сферу, а небесные тела — например, солнце — опускаться в воду: *«Тяжелое солнце, садясь в океан, / Горит за оградой собора»; «Солнце в холодную село воду»; «И падает солнце в глубины — / Подводная красная лодка»; «Красной огромною рыбой / Солнце плывет в океане»*. Таким образом, объединяются три стихии — вода, воздух, огонь. Небо может быть уподоблено океану, океан — небу, космосу. Они бесконечны, вечны, глубоки, таинственны и не могут не притягивать к себе взгляд человека. Не случайно в разных литературных текстах повторяется ситуация созерцания героем неба с соответствующими «морскими» ассоциациями [5, 586-588]. У Городницкого эта ситуация встретилась лишь в одном стихотворении (*«...в небо смотрел бы, как древний философ»*) — возможно, потому, что больший интерес для героя представляет само море.

Обращает на себя внимание генитивная метафора «небо океана»: *«Поднялся и я в океана соленое небо. / Полет завершился, земля ожидает внизу»*. Автор-герой предается воспоминаниям о прожитом и прочувствованном во время морского странствия (*«Прощание с каютой»*). Спуск по трапу для него не просто перемещение вниз, к машине, которая увезет его от корабля, — это «приземление», окончание полета, о котором не хочется забывать: *«Я вещи собрал, но свою оставляю здесь душу»*.

Практически во всех «морских» стихах А. Городницкого море бывает местом действия, а иногда и главным героем. В то же время оно не играет роли фона, с морскими реалиями связаны и действия, и переживания, и мысли героев.

Взгляд на море не бывает бесцельным или рассеянным. Герой или внимательно смотрит в морскую даль, неся вахту (*«Вне-*

редсмотрящий»; «*За кормой ревун кричит во мгле...»*), или с ожиданием и надеждой, находясь в сложных обстоятельствах («*Одиссей»*, «*Гулливер»*). При этом обычно оговаривается состояние, настроение человека: «*Вахта глядит из рубки — полны тревоги лица»*, «*Гляжу в морские топи, Зову тебя и плечу»*; «*И с палубы глядят на них (акул. — Е. К.) без смеха / Охочие до смеха моряки»*.

Такое указание на состояние может отсутствовать: «*Смотрю назад, где за кормой / Кружится водяная крошка»*; «*Смотри же на залив, / Где дышит Антарктида»*; «*Я взираю, прижавшись к стеклу, / На обширную эту планету...»*. Однако во всех подобных случаях после упоминания о взгляде на море следует либо описание увиденного, либо, что более типично, осмысление глубинного содержания увиденного. В качестве примера можно привести «*След в океане»*, где созерцание оставленного судном на водной поверхности быстро исчезающего следа служит отправной точкой для рассуждения о кратковременности человеческого бытия. Для таких стихотворений, где взгляд героя на море сопровождается размышлениями по поводу увиденного, характерно наличие сравнений — обычно в конце стихотворения, в сильной текстовой позиции. Так, недолгая и по большому счету бесследная жизнь человека сопоставляется со следом в океане, острова, «короткие отрезки» — с человеческой жизнью, герой, смотрящий на залив, — с древним греком «*в преддверии Аида»*.

Океан также смотрит на человека — например, глазами обитателей вод, однако этот взгляд лишен пристального внимания и заинтересованности. Если уход в море связан для героя с гаммой положительных чувств, а расставание с ним вызывает тоску, желание новой встречи и постоянные воспоминания, то морская стихия у Городницкого как бы не замечает человека, живя своей внутренней жизнью, не зависящей от людской жизни и не соизмеряемой с ней. Человек и море не собеседники, отношения между ними сложны. Очевидный контраст смертного «маленького» человека и безграничного во времени и в пространстве океана сочетается с противопоставлением человека и природы — противопоставлением, во многом спровоцированным самим человеком, который может опутать океан «*мазutowой сетью»*, — что, однако, не делает его по-настоящему могучим [4].

Герои А. Городницкого постоянно стремятся к встрече с морем, что вызвано не просто тем, что море для них — место работы, объект научных исследований и под. Человек находится в изначальном родстве с океаном. Не случайно «...крещение, по-латыни — *«баптиста»*, / Означает *«погружение в воду»*. Человек — порождение океана: *«Стучится в наших жилах кровью / Его соленая вода»*. Стремление человека к морю — стремление к истокам, к возвращению в родную стихию. Возвращение может быть разным. Наиболее очевидное — связь своей жизни, профессии с морем. После физической смерти человека это может быть возвращением в первоначальное состояние: *«И мы когда-то были рыбы»* («Родословная») — и *«Хорошо, если души могли бы, / Нас покинув в назначенный час, / Воплотиться в подобие рыбы»* («В батискафе»). В перспективе возможно и реальное возвращение в океан человечества — эта мысль звучит в стихотворении «Водолаз», где достаточно дискомфортное и к тому же временное пребывание человека под водой — первая ступень к возможному в будущем возвращению человека в изначально естественную среду: *«Забудет внук о царстве вьюг, / Гудящих неизвестно где, / И вековой замкнется круг, / И разойдется по воде»*.

Для самого автора море — судьба. Он, родившийся «под звездами Рыбы», посвящает жизнь изучению океана, мечтает «жизнь прожить на корабле» — и умереть там же. Смерть оказывается замыканием круга — возвращением в океан, к истокам, это не смерть, а продолжение жизни — растворение в бесконечной родной стихии.

Образ моря в стихах А. Городницкого представлен широко и многопланово. Это и вполне реальное, конкретное море, и беспредельная могучая стихия, место плавания и источник жизни на Земле. Отводимая ему в стихотворениях роль различна, однако следует заметить, что краткие упоминания о море (как, например, *«Море ворочается на ложе, / На каменистом ложе своем»* в «Как удержать мне тебя, подруга...») встречаются всего в нескольких текстах. В подавляющем большинстве случаев эта роль весьма значительна — вплоть до главной. «Нет такой неодушевленной вещи, которая олицетворялась бы более щедро и более естественно, нежели море», — писал Поль Валери [1]. Александр Городницкий не «очеловечивает» море — он одушевляет морскую стихию, воспринимая ее как поэт, ученый и философ.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Показательно само употребление соответствующих слов. Если в первом сборнике («Атланты») автор использует фактически только слово «море», то в «Созвездии Рыбы» — самом позднем из четырех рассматриваемых — «оксан» употребляется значительно чаще, чем «море».
- ² Заметим, что пространство у А. Городницкого практически всегда связано с холодом.
- ³ Если в «Токио» беда еще только угрожает, то в «Петербурге» показан результат — город погружен в пучину. По замечанию В. Н. Топорова, здесь мы имеем дело с самым последним вариантом воплощения одного из петербургских мифов (водная гибель города) — см. [5, 356].
- ⁴ «Пением сладким сирены сго очаруют»; «Сладкопеньем сирен насладиться»; «сердцесладное пенье» и под. См.: Одиссея. / Пер. В. А. Жуковского. М., 1984. С. 151-153.
- ⁵ Возможно, здесь море не просто синее, а именно «морского» синезеленого цвета (трава ассоциируется с соответствующим цветом).
- ⁶ См. о параллели «вода — вино»: [3, 40].
- ⁷ Подобное «разделение» моря на поверхность и пучину для А. Городницкого не случайно — эти части, слои моря, во многом различны, в том числе и по звучанию: волна поет — глубины молчат.
- ⁸ О высокой температуре морских глубин говорится только в связи с активностью земных недр.
- ⁹ Данное действие применимо и к метафорической волне-песне, которая в «Колыбельной» «объединяется» с волной реальной, качающей корабль.
- ¹⁰ Комната является и местом грустных раздумий героя («Друзьям», «Двадцать девятое ноября»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Валери П. Об искусстве. М., 1976. С. 341.
2. Городницкий А. Атланты. М.-Л., 1967. 112 с.; Берег. М., 1984. 96 с.; Полночное солнце. М., 1990. 112 с.; Созвездие Рыбы. С.-Пб., 1995. 152 с.
3. Купчик Е. В. Метафора в поэзии А. Городницкого: структурно-семантические типы и функционирование в тексте // Слово и конструкция в художественном тексте. Тюмень, 1991.
4. Купчик Е. В. Взаимоотношения человека и природы в лирике А. Городницкого // Тема природы в художественной литературе. Сыктывкар, 1996. С. 72-74.
5. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. М., 1995.
6. Шефнер. В мире и в море // Ленинградская правда. 1967. 27 сентября.